

Кремем смазала кавсяк

Способности его изначально казались сверхъестественными: точнее, виделись они таковыми сперва только внимательному отцу моему, и способности этого индивида принадлежали мне; под тем я подразумеваю свою условную искусность, всё ещё не принимая в полной мере природу собственного таланта: оскорблённо обозначая его чем-то инородным, весьма несложно неожиданно обособиться и успешно существовать со спокойной душой, так и не взяв на себя ответственность за то нежелательное, что, вероятно, было совершено, робкое отрицание чего добавит одних только непрошенных сложностей, но, довольствуясь благодатными пожитками особенностей лишь относительно положительного характера, тем, за что окружающие меня не осудили бы в нелестном спектре, они готовы восхвалять меня за анатомо-физиологическую уникальность, за удачное стечение случайностей и ответственность моего благодетельного отца; однако почти никогда в этих похвалах не звучат слова уважения архисложному труду, и тому есть неизысканное объяснение: для них изучаемые мною материи представляются не просто чем-то сложным, но абсолютно недостижимым, противоестественным, и вовсе не нужно долго и целенаправленно усердствовать, дабы рассмотреть натуру этого представления, что до величайшей абсурдности глупа: люди готовы говорить о важности некоторого неэмпирического знания, о высокой красоте его выражения и ином прекрасии, однако почти всё это является вырождением скорее нежелания осмыслить хоть базовые элементы, причём подобное происходит далеко не с одной только сферой математики: люди, опираясь на некоторую абсолютную недостачу, на императивную невозможность некоторого феномена, готовы привлекать в рассуждениях то, что там присутствовать ни в коем случае не должно, и со стороны понимания скромности человеческого существа было бы весьма нежелательным осуждение такого поведения, однако конкретно меня это касается не в одних только формах редкого упоминания в разговоре или полностью абстрактных: они, хваля единственно гениальность, талант или любое другое чрезвычайно неточное понятие, слепы к моему нездорово тяжёлому усилию, и в том, возможно, на этапах ученичества ещё был смысл, да теперь, когда продуцируемое мною вышло в разряд иных осмысленных базисов, это может и оскорбить: задатки помогли мне с толчком, что скорее просто определил род нынешней деятельности, а признание исключительности с десятков раз подняло настроение, однако только сейчас, когда мне десять лет, дискурс этот видится уже совсем ненужным, он не имеет права существовать, если уж спросить, что конкретно я, допускающий значительную субъективность собственных высказываний, считаю по этому поводу: более разговоры вокруг моей персоны меня же и не

интересуют: я сконцентрирован на двух вещах: мой отец и моя деятельность: плоть моих трудов густо палыскает спорным заветрием, и в пустоте этой обрело пламя облик всецело непривычный, и оттенки глициновой пыли осыпаются на очи, так испуганно ищущие своего опровержения.

Являющийся профессором кафедры высшей математики не первый год отец незадолго до моего семилетия понял, что нарисованные узнаваемыми образами при использовании детских разноцветных фломастеров и карандашей формулы, к которым ещё справедливо отнести некую добавочную из-за этого сложность, не просто имеют аналог в науке фундаментального уровня: они достаточно сложны, их изображение в моих формах создаёт дополнительный барьер для понимания, и едва ли кто-то мог бы понять их, кроме моего отца: то, что только при аппликации невероятного для обычного человека усилий могло бы стать понятным моим ровесникам в лучшем случае через двенадцать лет, было понято мною самостоятельно и, как я посчитал тогда, даже не требовало пояснения: с этим я ещё буду сталкиваться очень часто: не исключая существования коннотации неудовлетворённости в размышлениях насчёт относительной простоты моей же деятельности, и мятежная отчаянность, кажется, порой хочет только обозначить свою невычурность, принадлежность себя к нормальному, но вновь и вновь я сталкиваюсь в срединном человеке с тем, что видится мне попросту неестественным: нечто в нём едва видимым сиянием ротанга отталкивает меня, нечто в нём отказывается от моего дара, и оттого, вероятно, я уже сотворил нечто безобразное. В восьмилетнем возрасте тот зачаток потенциала стал раскрываться отцом, но уже к девятому дню рождения стали происходить достаточно странные, хотя и объяснимые вещи; когда я ознакомился с общепринятыми формулировками, очень быстро пришло осознание моей достаточно необычной способности общаться с учёными в новой продуктивной форме: во время оживлённой беседы удавалось обнаружить нечто новоявленное, что ими тут же волнительно записывалось, заставляя с широко раскрытыми пожелтевшими глазами выбегать из скромного помещения; многие стали принимать любые условия, фанатично написывая моему отцу насчёт выделения для них хотя бы пятнадцати минут: помнится, первые недели это ещё забавляло; потом же, когда отец уже сам заметил мою физическую неспособность продолжать в подобном непростом режиме, встречи такие продолжались только по выходным и только с самыми именитыми профессорами: тогда же я впервые сформировал распорядок своего дня: в умах многих взрослых он облёкся бы чем-то непосильно сложным или просто неадекватным, тем, воплощение чего в жизни не продержалось бы дольше пары дней, однако и тут я изумился удобству такого существования: более не приходилось скучать в минуты неспособности заниматься учёным делом, да и отдых не был в распорядке редуцирован, однако нельзя сказать, что и в его редкие мгновения я не продолжал активную умственную

деятельность: я жил достаточно узконаправленной мыслью, но то ни разу не доставило мне дискомфорта: думается, прикажи мне отказаться от этой интенсивности, я бы уже не смог существовать с тем же инертным задором. Ещё в восьмилетнем возрасте мною был ощущён вес необходимого для написания и представления действительно хороших научных статей ненаучного усилия, почему и начал я с почти бессвязной крупной книги облика едва ли не алхимического трактата, в которой пришлось отказаться от многих, смею признать, для посторонних чрезвычайно важной информации с той только надеждой, что найдётся некогда способный обрамить это в общепринятую оболочку великим ум: для того у меня слишком мало времени и слишком много энтузиазма, и новаторское советничество тогда снова на несколько недель заняло всё внешкольное время, от чего позже я опять отказался: и то мне показалось в какой-то момент непродуктивным; в целом, всю свою жизнь я могу поделить на генетически разложимые макроэтапы и микропериоды, и ничего случайного не происходило со мною в том смысле, в котором обычно случаются срывы или фрустрирующие состояния: всё в периодике жизни дополняло друг друга, и ничего не происходило неожиданно; я продолжал ходить в школу, хотя давно по глубине и объёму знаний опередил умнейшего учителя города: тогда в честь этого показательного состязания даже был арендован небольшой стадион; для меня же происходящее было немного выделяющимся в расписании дня событием нетребовательного характера: он был более схож с неусидчивым горделивым щекотье, чем с лучшим учителем, да и, кажется, я даже советовал что-то его преподавателям: оттого интерес во мне отсутствовал с самого начала этого нелепого фарса, на который я решился только ради денег: тогда отец ещё объявлял потенциальную материальную награду за мои труды, каждый раз вновь обещая переселить нас в частный дом, что, думается, и не было враньём: мечта эта была, коли уж память не исказила предсонные рассказы об этом, ещё моей мамы; школа нужна была для обозначения цикличности, так мне было комфортнее, так моё чуть нестандартное сознание не перестраивалось в полностью независимую структуру: первая половина дня предполагала полноценное детское времяпрепровождение, если, разумеется, не учитывать небольшую принципиальную разницу между моими занятиями и тем, что делали мои сверстники в то же время в тех же местах; я был тем, кого обычно именуют знаменитостью, и несколько раз администрация города даже хотела приставить ко мне охрану, однако способности свои я развивал во всех стезях: ко второму классу я советами достаточно молодому и мягкому директору и ещё несколькими открытым к новым грамотным подходам работникам школы добился тотального изменения распределения бюджета, а ненавязчивым регулированием социальной жизни с посредничеством учителей удалось объединить коллективы буквально всей школы: теперь взаимодействовали друг с другом в ней абсолютно все: выпускники разговаривали с первоклассниками в полезной для обоих форме: я не

нуждался в защите, ибо благодаря реформаторской теневой деятельности все относились ко мне очень хорошо; как вскоре оказалось, условно талантливых детей было в хорошем смысле страшное число: вскоре творческие, спортивные и научные объединения начали самостоятельно побеждать в международных конкурсах, и более это не требовало моего контроля, а после признания нашей школы лучшим общеобразовательным учреждением страны ученики стали немалыми группами выпускаться экстернатом: меня это никогда не интересовало, да и изменением школы я занимался только между усложнёнными моей подпольной деятельностью уроками; нельзя сказать, что в сферах истории и литературы я знал больше учителей этих предметов, но изучение материала пары уроков занимало у меня менее четырёх минут при условии полного запоминания и способности информацию эту воспроизвести в любое время: конечно, были моменты, когда занятия трудами или физкультурой могли вывести на первый план незаинтересованность в оных, однако и там мне почему-то удавалось делать всё лучше остальных, хотя обыкновенно я на этих уроках даже с тем условием, что труды у нас с первого класса были дифференцированными для мальчиков и девочек, то есть участи четырёх лет склеивания картона мы были лишены, сразу начав работать с полугнилыми деревянными брусками, активно отдыхал. Идиллические эти состояния совершенно неправдоподобного характера уже полтора года перемежаются с неприглядными издевательствами моего изменившегося отца: со временем он стал отказывать в собеседовании уже всем учёным, и лишение это даже не затронуло меня, если бы мне не стали запрещать спать на обдуваемом выходящим через образованные балконной дверью щели холодным ветром скрипучем полу в лучшем случае более трёх часов в день, есть более двухсот грамм овощей в тот же промежуток времени, что я поборол манипуляциями по отношению к учителям, которым отец стал говорить о моих запрещающих есть в определённое время болезнях с демонстрацией подделанных справок, и связями с работающими старшеклассниками, что могут покупать мне еду за сделанные школьные работы, читать любую нешкольную научную литературу и иметь доступ к интернету, дабы подпольно там я не развивал свои способности, якобы преломляя нормальный ход развития и даже физического роста; сон отрегулировать я так и не сумел, ибо всё время за мною следит уже отказавшийся от работы больной отец: благодаря моей известности и, видимо, скрываемым от меня выплатам учёных он мог уже никогда более не работать: спит он в моё недолгое отсутствие, а вне школы я постоянно вижу над собою взгляд покрасневших глаз потерявшего связь с висками своими отца: лицо его вовсе ничего не выражает, но в зрачках ещё таятся нервные содрогания отвратительной мзды своего греха и беспомощности, страх признать моё интеллектуальное превосходство, страх отдалиться от меня так же сильно, как от умершей ещё во время моего раннего возраста жены: я никогда не мог самостоятельно

воспроизвести в голове образ её, но нечто говорило о какой-то вине, нечто, что так близко в своей основе с тем возмущением, с тем решением заниматься теперь только наукой. Тирания отца не помешала действительно заниматься своим делом: первое время от недосыпа я регулярно терял сознание; бывало, пытался восполнить сон во время нахождения в школе: то было очень просто, однако уже спустя неделю стало понятно, сколь непродолжительные мгновения эти важны, как мне нужно использовать это чрезвычайно редкое время: с полгода я жил в плотной дымке вздорной бессмыслицы и неспособности адекватно функционировать, после наконец приспособившись и всё время вне школы уделяя строго структурированным размышлениям научного объекта, которые почти в форме контрабанды я передаю паре проходящих во время первой большой перемены академиков на толстых насыщениях полученных благодаря тем же старшеклассникам листов, коих требуется немалое число: небольшую часть своих записей я позволяю использовать для их работ, а часть прошу интегрировать в документы с теми самыми книгами неупорядоченных знаний: процесс хорошо оптимизирован, и только в каникулы приходится напрягаться значительно больше: летом случалось держать в уме вовсе несколько томов концентрированной сложной информации, что в конечном счёте была всё-таки записана уже с начала учёбы; образ мой среди ровесников и работников школы стал непроизвольно схож с пророческим, все еле знакомые со мною ровесники стали в своих сферах лучшими среди представителей своего возраста и не только; случайно я даже создал, как оказалось, полностью новую методику преподавания, которой обучил всех учителей; я научился работать с памятью иным образом, а поначалу невыносимо тяжёлые тренировки, которые меня дома заставлял выполнять отец, стали только в радость, и теперь в минуты необходимости продуцировать нечто исключительно нового толка я самовольно истязая себя упражнениями, и недавно в школе мне даже посоветовали пойти на серьёзные спортивные соревнования: идею эту я не отбрасываю, ведь оное может помочь с работой над книгами. Недосып способствует вкупе с суровыми тренировками и головоломными мыслительными процессами перманентному напряжению, что столь грамотно отвлекает от скуки. Если так подумать, то жизнь моя стала только интереснее, хотя и значительно тяжелее: трудности, как оказалось, даже в форме пыток способны упростить человеческое существование, однако раньше я не нуждался в развлечении. Зато теперь мне немного веселее.

Вчера перед сном дрожащий от недоедания отец с насыщенной зеленоватыми сосудами кожей палевого оттенка заставил меня сделать некоторое изменение во входной двери: перед этим обозначив строгий запрет стучать в дверь с указанием особенностей могущих последовать за этим расплат, он остановился худым пальцем на некоторой точке её плоскости, в которой необходимо было установить звонок, чем я и занимался молчаливо бьющей по ушам ночью: приходилось работать излишне деликатно и тихо, однако все этапы я исполнил на

достаточно высоком уровне. Только сейчас, стоя перед этой массивной иссиня чёрной дверью с рельефом непостоянно стекающей металлической плотности, я понял его замысел, которому, впрочем, не могу противиться: неповиновение будет наказываться полным лишением сна на несколько дней, к чему адаптировать свой организм я всё-таки не смогу. Новоустановленный звонок расположен так, чтобы я, ограниченный своим невеликим ростом, мог дотянуться до него только с одного места, ориентировочно близкого середине ширины двери; блестящий серебристой зеркальностью выпуклый глазок находится прямо напротив моего осунувшегося за ночные и утренние труды лица: это оказалось простым совпадением, однако не исключаю вероятности того, что в противном случае этой долгой ночью я мог заниматься и им. Я принимаю свою скверную участь, впервые нажимая на установленный собою белый звонок. Шум от него на фоне звенящей нервозности даже несколько приятен, хотя спустя пару спокойных секунд стал слышен громкий мощный топот, и приближение его ознаменовалось мучительно молчащей тишиной: мгновение омрачилось мглой беззвучия, и изначально приоткрытая, что я просто не мог ранее не заметить, тяжёлая дверь одним быстрым движением распахнулась в мою сторону: ничего не увидев, даже почти и не почувствовав, я только обонянием ощутил вылетевший с этим запах невыносимой многомесячной непроветриваемой затхлости: от удара я отлетел на неострые массивные ступеньки с антрацитовыми вкраплениями камешков неправильной формы, так неуместно остановивших моё внимание на них: сгустившийся миг отступил от меня, и спина после нескольких кувырков остановилась на крашеной нашими соседями тонкой решётке зеленоватого оттенка; щелеп мой, подражая множественным суставам поразившихся хрустом рук и спины, перестал уже реагировать на сигналы сознания, и теперь я случайно разглядываю покрасневшее от возбуждения заспанное лицо интенсивно дышащего отца, на веках которого ещё осталась желтоватая сухая масса, не успевшая дожидаться своей участи из-за, видимо, неожиданности моего обыденного появления, с окровавленным, очень низко распахнутым ртом, так неприглядно освободившим мой расслабленный язык цвета золотого сплава посередине: он смотрел так совсем недолго: через несколько секунд тёплая кровь покрыла правый глаз: я моргнул, приблизив тем за мгновение почти полностью оголённое дряхлое тело отца, что быстрым движением небрежно схватило меня за шею и перебросило в лишённую света квартиру, видимо, боясь падения зубов и капель крови внутри подъезда: об издевательствах никто не знал, но рассечённая теперь щека, кажется, может вызвать интерес извне: отец решил заживить рану самостоятельно: для того он, с глухой отдачей бросив меня в ванну, дабы густая кровь стекала в забитый недлинными волосами и небольшой свёрнутой белёсой массой кашеобразного облика и достаточно гибкого наполнения слив, и вдев в ушко блестящей швейной толстой иглы двойным слоем самые дешёвые чёрные нитки, снял с меня всю одежду, и стали в желтоватом

свете облупленной ванной комнаты содрогаться мои раненые тела непоследовательными импульсами: по покрытому персиковыми рубцами от потушенных сигарет животу стекали скромные струйки крови бегониевого блика: глубокие порезы на ногах ещё не зажили и доставляли отцу удовольствие их ежедневным нещадным травмированием: он привык довольствоваться плодами своих уродливо пышущих надо мною сгустком ихорозных извивающихся толстых лент трудов очень долго; на груди моей уже бесчисленное множество воспалённых горячих проколов, чьё нутро шипяще заполнено нестерильными английскими булавками серебристого цвета, и отец даже пытался ими сперва сделать простой узор, после отказавшись от этого и приняв синкретизм локализации издевательств: уже на всех скрытых одеждой частях моего тела можно было обнаружить следствия самых разных пыток, и лагиза отца не унимался чем-то привычным или безопасным для жизни: множество раз я уже мог умереть, однако ранее грань эту он ещё мог чувствовать: теперь же, думается, он необратимо сгинул: теперь мой отец именно усоп за продолжительными стенаниями, и по редким безобразным самодельным татуировками стекает сейчас из-за дрожи обмоченных ног моих и стягивания опаснейших ран распростёртыми тканями играющих полей гной вперемешку с отвердевшей кровавой слезой: вшитые в тазу потеплевшие лезвия пробиваются сквозь зажившую плоть, а приклеенная на подмышках наждачная бумага стирает поверхность старой ванны до пиратского чёрного цвета, и после трёх обмороков не издаю я уже ослабленных немощью горла звуков, а смотрящий на меня со странно приподнятой, лишённой улыбки за невозможностью изобразить человеческую эмоцию даже от нездорового удовлетворения головой отец не сделал и три неровных шва: он искренне наслаждается моей болью, и пародонтозные зубы его удивительным образом разорвали те появившиеся из-за реакции на первые издевательства надо мною плотные шрамы внутренней стороны рта, и достигнут был новый порок, и отплюнул на мою рваную щёку он кусок своей воняющей плоти, и закричал он истошно.

Датмар проглотил его. Он вставил выпавшие зубы в живот отвратительно сделанных швов. Он зашил в мою щёку мои же зубы. Он перетащил меня в комнату с двумя кроватями ещё времён свадьбы с моей мамой. Я взглянул под одеяло, где в крупной стеклянной сфере плавала уже многие годы забальзамированная тухловатая плацента с заострённой недлинной веткой цвета каменного угля. Отец потерял глаза, нос, рот, уши и волосы: теперь он был полностью лишён жены. Это я лишил его мамы: это я когда-то убил её, и только теперь он осознает, что вернуть её более невозможно: только теперь останутся его страшные страдания, в которых виновен лишь я; только отец стал объектом моего насилия, только его я заставлял упрощать свой быт, только над ним небеса уплотнили свои гневные очи: только он был проткнут толщей смолистого дерева неприглядным красным фордеком: моё огрублённое

непостоянное тело распалось, и лишь единожды с тех пор я чувствовал запах того возвышающегося рождения своих приукрашенных уродств.